

Посвящается Е.Л.Х.

ПРОЛОГ

«Не любо, не слушай,
а врать не мешай».

Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по-праздничному.

Там собралось большое и богатое общество.

Вот уже неделя, как вся гостиница снята под приезд американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчатобумажные плантации — целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримо: мистер Гарри богат, молод, страстный охотник, и страсть эта заставила его побывать и в Африке, и в Индии.

В Европу его привело дело и любопытство путешественника.

В деревне говорили, что приезд этого сказочного принца в Карпатские горы был сопряжен с вводом во владение древним замком графов Дракула.

Замок этот лет сорок, если не больше, стоял покинутым. Все владельцы вымерли, а последний, как говорят, бросил мир и отрекся от жизни, похоронив себя в монастыре, где и умер.

Одни уверяли, что мистер Гарри купил замок ради титула, другие — что замок перешел ему по наследству. Что один граф Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов и что уже оттуда его наследники попали в Америку.

Мистера Гарри сопровождал целый штат служащих, друзей и прихлебателей. Самыми близкими людьми к миллионеру были: доктор Вейс, небольшого роста полный господин, весельчак и милый собеседник; капитан Райт — англичанин, доведший свое хладнокровие до апогея. Про него говорили, что, находясь в плену, в подземельях кровожадной Бовами, где его ожидала неминуемая смерть, он не изменил своему обычаю и не выпускал сигары изо рта, а при почти чудесном освобождении спросил стакан рому и выпил его так же спокойно, как и на дружеской пирушке. К этому неразлучному трио присоединился еще Джемс Уат, также американец, но в жилы которого, несомненно, попала живая кровь француза. Он был подвижен и всегда желал до всего допытаться, ко всему, его занимающему, прикоснуться руками. За желание потрогать золотой лотос на груди какого-то индийского истукана он чуть не заплатил всей рукой. И посейчас красный шрам, как змея, обвивает его руку. Этот шрам — память от удара одного фанатика. За страсть Джемса к наблюдениям и выводам доктор называл его Шерлоком Холмсом.

Затем шли: управляющий Смит; личный камердинер Гарри — Сабо; слуга и помощник доктора Джо. Он же заведовал аптекой и всеми перевязочными средствами, так нужными при опасных охотах; повар и лакей.

Остальной штат нанимался из местных жителей и при отъезде распускался.

Общество друзей-прихлебателей тоже менялось по месту жительства.

Теперь Гарри сопровождала больше молодежь — любители охоты или же люди, любившие вообще пожить на чужой счет.

Надо отдать справедливость, Смит умел занять гостей хозяина. В настоящее время охота сменяла охоту, одна лучше другой, а по вечерам обильный ужин с массой лучшего вина.

Вино развязывало языки. После ужина шли разговоры. Вначале говорили о скачках и женщинах, но чем дальше в горы забирались охотники, тем чаще прежние разговоры сменялись охотничьими рассказами и рассказами о приключениях в лесах Америки и джунглях Индии.

Сегодня хозяин изобрел новую забаву: чтение. Недавно он принял к себе на службу старика библиотекаря, Карла Ивановича Шмидта, для разборки нужных бумаг, а главным образом для отыскания в местном церковном архиве документа о смерти или погребении одного из графов Дракула. Каждый вечер библиотекарь давал отчет, что им найдено за день, и вот сегодня он принес хозяину бумаги, вернее, дневники или записки, взятые им из церковного архива. Записки эти показались Гарри интересными, и он попросил Карла Ивановича прочесть их вслух, после ужина, для развлечения гостей.

Часть I

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

I

С этой ночи никто из жителей не видел его... Что это, случайность или новая жертва? Я сказал жертва, но жертва чего?..

II

Вот уже полгода, как я не брал в руки эту тетрадь. Все было спокойно. Мое подозрение, что между «случайностями» есть связь, что-то роковое, что заставило меня вести эту летопись несчастий, улеглось. Мне даже было стыдно, что я поддался такому суеверию...

Вчера мои сомнения вспыхнули вновь. Пропал Генрих-охотник.

Генрих — это предмет тайных мечтаний всех деревенских невест.

Молод, красив, всегда весел. Первый танцор и первый храбрец. Про него говорили, что он не знает страха, черта не боится, а перед Божьей Матерью, покровительницей нашей деревни, склоняется почтительно и даже носит ее изображение и образок на груди на зеленом шнурочке.

В пятницу утром Генрих ушел на охоту, обещав вернуться ко времени службы в костеле.

Но ни в воскресенье, ни в понедельник его не было.

Сестра его, Мария, очень беспокоится: не случилось ли с ним несчастья. Она пришла к нам на кухню, плакала и просила совета.

Среда — Генриха нет. По деревне уже идет слух, что он погиб и искать его надо не иначе как в Долине ведьм...

Но зачем он туда попадет?

Если кузнец Михель и нашелся в Долине ведьм, то он был пьян...

Генрих не пьет, да и промысел его лежит не близ проезжей дороги, а по другую сторону, в горах...

— Здесь, видимо, вырвано несколько листов, — сказал библиотекарь, сдвигая очки на лоб.

— Вот и отлично, перерыв, мы можем выпить по стакану вина! Эй, Сабо... — вскричал веселый хозяин. — Кстати, господа, — продолжал Гарри, — по расписанию мы завтра после охоты ночуем в Охотничьем доме. Он как раз лежит на холме, при входе в Долину ведьм. Вот, капитан Райт, тебе случай показать свою храбрость.

— Пока я еще ничего не понимаю, — пробурчал Райт.

— Поймешь, когда ведьма завладеет тобой.

— Да объясни лучше, что это за знаменитая Долина ведьм?

— Долина ведьм — прекрасное место, — вмешался один из гостей, местный уроженец. — Говорят, туда собирается нечистая сила и ведьмы справляют там свои мерзкие праздники. Кто дорожит спасением своей души, не должен на них смотреть.

— Видите ли, друзья мои, — вновь начал Гарри, — Долина ведьм — это небольшая, прелестная

долина, лежит она у подножия скалы, на которой стоит замок. Но скала настолько крута, что из долины подъезда на нее нет. С другой же стороны лежит цепь лесистых гор. В одном конце долины стоит наш Охотничий дом, а недалеко от другого конца проходит проезжая дорога. На дне долины лежит небольшое озеро, сплошь заросшее мертвыми розами-неньюфарами. Берега его болотисты, и на закате солнца на нем клубится туман.

— Вот этот-то туман, конечно, и подал, по моему мнению, мысль к созданию всех легенд о долине, — вставил свои слова доктор.

— Не слушайте его, у него нет ни капельки поэзии в душе, — перебил хозяин. — Туман, особенно при свете месяца, принимает образы прекрасных молодых женщин, на голове венок из мертвых роз, а по плечам вьется белое легкое покрывало... Глаза горят, как звезды, а тело светится розоватым оттенком...

— Недурно, — промычал Райт.

— Да, но немного найдется желающих испытать эту любовь. Всякого, кто волей или неволей попадал в полнолуние в Долину ведьм, находили мертвым, а если он и приходил оттуда, то умирал через месяц — в следующее полнолуние. Женщины с озера вместе с поцелуями выпивают его жизнь. Он слабеет, бледнеет и умирает.

— Еще бы не умереть, когда вода в озере стоячая, гнилая и туман несет бог знает какие ядовитые испарения, — прибавил доктор.

— Смотри, доктор, заплатишься за свое неверие, — смеясь, сказал Гарри.

— Напротив, я вполне верю, что если пьяный зайдет на болото, то он или утонет, или, проспав на

сырой земле, схватит лихорадку, а болотные лихорадки шутить не любят.

— А что ты скажешь о ранках, находимых на теле тех, кто умер в долине? Положим, ранки крошечны, едва заметны.

— Ну, это очень просто, укусы змеи или пиявки. Ведь ты сам говоришь, что ранки едва заметны.

— Впрочем, что, господа, говорить о том, что было да прошло, — с печальной миной продолжал хозяин. — Вот уже больше 30 лет никто не погибал в Долине ведьм, и храброму капитану Райту не придется отличиться. Нам остается только жалеть, что мы живем в век, когда нет ни спящих красавиц, ни драконов, ни даже самых простых упырей. И нам остается слушать только чужие подвиги. Еще по стакану вина, и внимание! — закончил Гарри.

Библиотекарь надвинул очки и начал снова:

Только когда он пришел в себя, нам удалось разжать судорожно сведенные пальцы. В них оказался образок Божьей Матери, что он носил всегда на себе.

15-е

Сегодня Генрих заговорил. Он говорит сбивчиво, неясно, но если хорошо обдумать, то, видимо, дело было так: он заблудился, что довольно странно для Генриха, и к ночи попал к озеру Долины ведьм. Чувствуя, как и все простолюдины, страх к озеру, он решил бежать и взобрался на высокую скалу, куда не достигает туман, и решил не спать. Сев на выступ скалы, недалеко от куста боярышника, он, как хороший католик, прочел «Аве Мария» и задумался.

Луна ярко сияла. На озере клубился туман, воздух был прорван серебристыми нитями, и цветы боярышника странно благоухали. «Точно вонзались мне в голову», — говорил Генрих. Было жарко. Небывалая, приятная истома напала на него... Вдруг порыв ветра качнул куст боярышника, и ветка ударила его в грудь, в ту же минуту он был осыпан белыми цветами боярышника. «Точно белое покрывало окружило меня», — говорил он. Луна померкла. Покрывало засветилось, и ясно было видно прекрасное женское лицо, бледное и чудное, с большими зеленоватыми глазами и розовыми губами. «Оно все приближалось — я не мог от него оторвать глаз, — говорил Генрих. — Хотел молиться, но слова путались в голове. Хотел схватить свой образок, но представьте себе мой ужас, — с дрожью прибавляет Генрих, — образка и шнурка не было на мне».

«Оно» сорвало его покрывалом!

«Наконец «оно» прильнуло к моим губам... все зашаталось и пошло кругом... Я потерял сознание», — добавляет он.

Очнулся он от сильной боли в шее. Не успел открыть глаз, как в голову ударил пряный, одуряющий запах свежей крови...

«У меня вновь закружилась голова, и я упал», — говорил Генрих, падая, рукою захватился за что-то — и дальше он не помнит ничего.

Генрих убежден, что сама Божья Матерь спустилась, чтобы спасти его от вампира. Он уверяет, что видел сияние вокруг ее лица и слышал злобный хохот побежденного дьявола. Ведь то, что, падая, он схватил рукою, — был его заветный образок!

16-е

Мне, сельскому учителю, представителю просвещения, не подобает верить в вампиров.

Да, если спокойно разобрать историю Генриха, то все выйдет очень просто.

Он заблудился. Ночь на воскресенье была очень темная. Увидав себя в Долине ведъм, он, как всякий крестьянин нашей деревни, испугался и, вместо того чтобы быстро пересечь долину и идти в деревню, бросился в горы.

Ведь, пересекая долину, надо пройти мимо озера, ну а это было выше его храбрости.

Усевшись на камень, он задремал и все остальное видел во сне. Со сна упал и ударился головой, отчего и потерял сознание: да, это так.

Почему только он слаб?

Фельдшер говорит, что такая слабость бывает от сильной потери крови.

Ран на теле у него нет, и фельдшер предполагает, что просто от жары и волнения у него пошла носом кровь, так как рубашка спереди была в кровавых пятнах. Фельдшера удивляет только то, что, судя по пятнам, крови вышло не так много, а Генрих, такой молодой и здоровый, ослабел так сильно от такого пустяка.

17-е

Сегодня я был в Долине ведъм и нашел место, где заснул Генрих. Это было нетрудно: ружье его стояло все еще прислоненным к скале, и шляпа валялась рядом. Сев на камень, я отлично понял, как поры-

вом ветра наклонило боярышник и тот колючкой сорвал шнурок с образка и ею же уколол и шею Генриха. Кстати, и шнурок висел тут же на ветке. Осмотрев подножие камня, я нашел следы колен и рук Генриха. Падая, он рукой нечаянно уперся в оборванный образок и стиснул его пальцами. Если б я нашел признаки, куда вылилась кровь из носа, то все было бы ясно. К сожалению, этого я не нашел.

Кругом все тихо.

Возвращаясь домой, я увидел под ногами цветок нениюфара. Откуда он? Немного завядший, но все еще прекрасный. Генрих не говорил, чтобы он срывал его, да он и не подходил к озеру.

Я поднял цветок и принес его домой.

Сейчас он стоит передо мной в стакане воды. Как прекрасен! Завялости нет и следа, лепестки прозрачно-белы и точно дышат, а внутри сверкают капли воды, как дорогие камни, нет, как милые глазки... Что это, аромат? Нет, игра воображения, нениюфар, мертвый розан, ничем не пахнет.

Пора спать. Слава богу, дело с вампирами окончено: все так просто и естественно.

21-е

...Три дня я не брал пера в руки... Такая творилась со мной чепуха.

Обдумав хладнокровно все приключения Генриха, я успокоился и лег спать. По-видимому, тотчас же заснул...

Сколько прошло времени — не знаю, но мне показалось, что я не сплю.

Комнату наполнял серебристый свет: он переливался и мерцал. Это не был холодный свет луны, а, напротив, полный желаний и трепета... Откуда он?.. Он точно родился в моей комнате. Следя за волнами, я увидел, что он идет от моего письменного стола.

Смотрю, нениюфар уже не плавает беспомощно в стакане воды, а гордо качается на высоком стебле, да это уже не стебель, а стройное женское тело, а на месте цветка — чудная головка. Бледное лицо с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы падают красивыми волнами на грудь.

Фигура тихо качается и с каждым движением растет и становится нормальной женщиной, только тело ее прозрачно, точно соткано из серебряных нитей.

Вот она двинулась от стола, и комната наполнилась ароматом и неуловимыми звуками. Движения я не улавливаю; фигура точно плывет в воздухе...

Все ближе и ближе; она уже качается около моей кровати, что-то шепчет, но я не могу разобрать слова...

Она склоняется ко мне, я холодею; она хочет припасть ко мне на грудь, но страх придает мне силы; дико вскрикнув, отталкиваю видение...

Раздается грохот и звон разбитого стекла...

В комнату вбегают испуганная Мина, и я вскоре могу разобрать ее ворчание:

— Кричат, столы со сна роняют и графин разбили, а купили-то его всего только два года, новенький.

Итак, это сон!

Недоверчиво кошусь на письменный стол: там беспомощно увядает бедный нениюфар... Только сон! Мне стало смешно и стыдно.

22-е

День прошел как всегда.

К ночи мне показалось, что неньюфар ожил.

Улегшись в постель, я взял книгу и начал читать, невольно время от времени посматривая на цветок.

Положительно, я не ошибаюсь: он становится нежнее и светлее. Еще немного, и он закачался на высоком стебле.

Я сел на кровать. Я не сплю.

И это уже не цветок, а женщина... Опять звенит воздух, опять наполняется ароматом...

Но она не подходит ко мне, а смотрит, смотрит... точно молит о чем-то...

Чего она хочет?

Мне пришло на ум, не душа ли это какой-либо самоубийцы, просящей молитвы за себя. Призрак застонал и исчез... Как я заснул — не помню.

23-е

Утро. Неньюфар почти завял.

Что же, опять был сон? Нет и нет!

Целый день меня преследует мысль: что она хотела, о чем просила?

Сегодня я ее спрошу.

Вечером, после ужина, я хотел взглянуть на неньюфар, но его не оказалось на столе. Мина на мой вопрос ответила, что выбросила завядший цветок. Жаль, я привык к нему.

Ночью сон бежал от меня. Я ждал.

Но все было тихо. Стол стоял пустой и темный. Воздух был спертый. Я ждал.

Но все напрасно...

Наконец больше не мог выдержать, встал и открыл окно.

Луна сияла. Далеко по направлению Долины ведьм вился туман, принимая различные очертания. Мне казалось, она там, она ждет меня.

Чего она хочет?

Как я ни всматривался в туман, ее не было. А между тем я ясно чувствовал, что она там и ждет.

Не пойти ли? А если правда, что говорят о Долине ведьм?

Пока я колебался, выглянуло солнце и туман рассеялся, вместе с ним ушли и мои желания и сомнения. Все-таки спрошу у фельдшера нервных капель.

24-е

Был на деревне, сказал, что болит голова, и просил капель.

Фельдшер смеется: «Уж и вам, как Генриху, не снятся ли девы, сотканые из тумана, с неньюфарамми в волосах?»

Кстати, Генрих поступает в помощники к церковному сторожу. Он говорит, что не может видеть свежей крови и что он должен отмолить свою душу. Его сильно подстрекает старик сторож, да и немудрено, старик страшно дряхл, говорят, ему больше ста лет и он нуждается в молодом помощнике.

Он уверил Генриха, что если вампир попробовал крови человека, то тому очень трудно от него спастись. А в церкви, кроме защиты Божьей Матери, старик предлагает и свою помощь.

— Я умею возиться с этими паскудами! — утверждает он.

25-е

Пью капли и сплю отлично, не лучшее ли это доказательство, что дело не в вампирах, а в нервах.

И чего я струсил? Надо было посмотреть, что было бы дальше. Все идет своим порядком, только Генрих с усердием кладет поклоны и звонит на колокольне.

Попробовал расспрашивать его. Молчит. Сознал-ся только, что ранка на шее плохо заживает.

— И не заживет, пока она не укусит кого другого, — буркнул старик сторож, слышавший наш разговор.

У старика, видимо, «не все дома», как говорится. Над окнами, над дверями, на подоконниках — всюду нарисованы кресты. Щелки, замочные скважины забиты чесноком; около кровати Генриха висят венки из омелы и цветов чеснока. Сад полон этим же вонючим растением.

На мой вопрос:

— Что это?

— Она не любит! — ответил старик.

Когда же я стал объяснять ему, что наука не признает существования вампиров и что мертвые не встают из гробов, он только покосился на меня и прошамкал:

— Молод еще, поживи с мое!

Мина говорит, что старик знал лучшую жизнь. Он был дядькой одного из молодых графов Дракула и жил в замке. Но семью постигло какое-то несчастье, которое и свело в могилу почти всех членов семьи. Замок забросили, и он пришел в упадок. Говорят, есть дальние родственники, где-то в Америке, но никто не знает, где они.

— Стойте, — прервал чтение один из молодых людей. — Гарри, да не вы ли этот американский наследник, я что-то слышал подобное.

— Пожалуй, вы правы, — сказал молодой хозяин, — что речь идет обо мне, вернее, о моем дяде. Дядя со стороны матери оставил мне, умирая, свои хлопчатобумажные плантации и какие-то права на замок и титул. Первое время у меня не было времени думать о замке и титуле: наступил кризис в торговле хлопком — надо было спасать доллары.

И вот, только полгода назад, я решил ехать в Европу. Оказалось, что замок и земли существуют, но все страшно запущено.

Замок с виду представляет руину, и я даже не был в нем, тем более что не могу получить ввода во владение — не хватает акта похорон двоюродного деда или указания места, где находится его могила.

Вот я и просил Карла Ивановича разобрать школьно-церковный архив. Нужной бумаги нет, а он выудил какие-то записки и рассказы о здешних вампирах. По правде говоря, мне некогда было его выслушать, тем более что местный священник все объясняет старинными легендами, а деревенский староста уверяет, что вот уже тридцать лет как у них в деревне не было ни одного случая убийства или загадочной смерти. Раз только и случилось, что пьяный столяр зарубил свою жену, да и та после этого жила целый год.

Зиму, как вы знаете, я провел в Париже. А весной меня и потянуло на охоту. Вот я и предложил вам поехать в мое, хотя еще и не утвержденное, поместье в Карпатских горах.

Замок выглядит сумрачно, и я велел пока отделать Охотничий дом.

Карл Иванович забрался сюда раньше и глотает архивную пыль.

— Если б мистер Гарри разрешил посмотреть архив замка, — заявил старый библиотекарь.

— Хорошо, хорошо. Это от вас не уйдет, мы все пойдем осматривать замок. Друзья, по последней сигаре, — предложил хозяин. — Продолжайте, Карл Иванович.

III

27-е

Ночи стали темнее, сплю хорошо, и нервы совершенно успокоились.

Вчера заходил к Генриху. Он бледен, но, видимо, тоже успокоился. Старик усердно подмалевывает крестики и разводит чеснок.

На мои насмешки по поводу чеснока ответил:

— Эх, связываться с тобой только не хочу, а уж порассказал бы!

Надо подпоить старика, авось развяжет язычок.

28-е

Все идет спокойно и скучно. По ночам запах чеснока из церковного сада проникает даже и в мою комнату.

29-е

Сегодня зашел к нам церковный сторож, принес Мине в чистку какие-то церковные вещи.

Я его зазвал в кабинет и угостил чаем, куда успел влить ложки две рому. Старика живо развезло, и он начал ораторствовать: говорил о замке, о порядках в нем, о гончих, о прекрасной бедной графине.

— А вот поди ж ты, — развел он руками, — чуть она меня не загрызла!

— Кто, гончая сука? — спрашиваю я.

— Какая там сука, графиня. Умерла это она, а как полнолуние, так и пойдет ходить. Пристанет к кому — известно, погиб человек! Иной тянет месяца два, а иной и сразу ноги протянет. Выпьет у человека жизнь. Много тогда народу из замка разбежалось... А вот единожды идем это мы опушкой, а матерый-то волк и прысь на меня... повалил: я уже Богу душу представил! А она-то, моя голубка Нетти, красавица, как разъярится, да ему, паскуде, в загривок впилась...

— Кто, графиня мертвая? — удивился я.

— Ну тебя, путаешь все только! Гончая Нетти, я сам ее вынянчил; и ни за что пропала собака! В ту ночь и погибла, когда змея укусила молодую графиню. Знаешь, та, с зелеными глазами...

Чем дальше, тем рассказ его путался все больше и больше, и окончательно нельзя было уже отличить, о ком идет речь: о суке Нетти, о графине или о змее. Кто кого укусил и у кого были зеленые глаза.

— Я ее утопил в старом колодце! — с гордостью закончил старик.

Он пошел домой, я его не удерживал. На пороге он оглянулся и, смеясь, спросил:

— Что, помогает?

5-е

Наступило полнолуние. Я тоскую, меня гнетет неведомое желание, кругом какая-то пустота.

Что она хотела, о чем просила?

Каждую ночь, помимо своей воли, я жду ее и прислушиваюсь...

Тихо.

Только противный чесночный запах стоит в комнате. При открытом окне он легче, несмотря на свободный доступ воздуха.

Чего я жду? Сна... видения?..

Днем я совершенно покоен, но к ночи становлюсь раздражительным, не могу найти себе места. Меня тянет куда-то, что-то надо сделать, но все неясно, неопределенно, а потому еще мучительнее. Состояние становится невыносимым.

Завтра пойду и принесу ненюфар.

6-е

День я был сам не свой, к вечеру пробрался за деревню, сбежал в долину, к озеру и сорвал прекрасный ненюфар. Причем по колено попал в болото. Крадучись, точно вор, принес его в свою комнату.

Сажу у стола и жду. Ничего! Надо лечь.

Всю ночь не мог спать, ждал и ждал — ничего!

Ненюфар недвижим, и только запах чеснока царит в комнате.

Что делать? Как добиться ее возвращения? Чувствую, она страдает, но как и что?!

11-е

Был на озере несколько раз, но, кроме промоченных ног и испачканных сапог, ничего не добился.

Тоска моя нарастает... она для меня не видение, не призрак, а любимая, желанная...

13-е

Был у Генриха. Старик хитро улыбается. На мой вопрос о сукке Нетти довольно обстоятельно объяснил, что у графов в замке была отличная стая гончих, а Нетти была любимицей самой графини и имела привилегию лежать у ее ног.

— Уже не иначе как старый американский дьявол уходил ее, — говорил старик. — С первого же дня она его невзлюбила! Чуяла. Как завидит, ощетинится, оскалит зубы... а в ночь, как захворала графиня, на Нетти смотреть было страшно.

Когда я вбежал в комнату, Нетти стоит и трясется, шерсть на ней вся дыбом, изо рта пена, а глаза дикие, зубы щелкают. Некогда было тогда заняться ею, а помню, это я хорошо помню, как открыл я дверь на террасу, Нетти как сумасшедшая бросилась вон и скрылась по направлению старой капеллы... Больше ее и не видели...

— Ты думаешь, что змея укусила Нетти? — спросил я.

— Нет, змея укусила графиню.

— Откуда же взялась змея в замке? — удивился я.

— Из футляра, старый дьявол привез...

Когда я уходил, старик спросил меня: хорошо ли я сплю и перестал ли ходить на озеро.

— Кто тебе сказал, что я был на озере?

— Да где же вы сапоги-то пачкаете, ведь все в тине, не ототрешь. Ничего, будете спать хорошо, — прибавил он и засмеялся.

Придя домой, я все раздумывал, почему старик интересуется, хожу ли я на озеро, и почему он уверен, что я буду спать хорошо.

Раздумывая, я ходил по комнате и нечаянно задел занавес у окна: из-под него что-то скользнуло и упало на пол — поднимаю, и что же!.. Гирлянда из засохших цветов и луковиц чеснока! Так вот откуда этот противный запах, а я думал, из церковного сада. Не иначе как сумасшедший старик подкинул мне ее.

— Здесь опять перерыв, — сказал старик библиотекарь.

— И отлично. Пора спать, а то половина наших гостей дремлет, капитан Райт так и похрапывает, — заявил хозяин. — Доброй ночи, и побольше прекрасных сновидений.

Все охотно разошлись по комнатам деревенской гостиницы — усталость охотничьего дня давала себя знать.

IV

Утром за чаем веселый хозяин спросил:

— Господа, кого посетили ночью здешние девы? Неужели никого!

— Меня, — робко заявил один молодой человек, скорее мальчик — лет шестнадцати, болезненный, нервный.

— Что, как, расскажите? — посыпались вопросы.

— Она пришла и просила открыть дверь, где она давно томится, и сказала, что берет меня в свои рыцари, — конфузясь, сообщил мальчик.

— Какую дверь, где? — спросил Гарри.

— Не знаю. Она сказала «ищи».

— Ну конечно, она была с распущенными волосами и с нениюфарами? — смеясь, сказал доктор.

— Совсем нет, — ответил юноша, — я рассмотрел ее хорошо и узнаю из тысячи. У нее темные волосы, и большой черепаховый гребень держит их на затылке.

— Галлюцинация, — пробормотал доктор.

— Лошади готовы! — доложил слуга.

Все бросились к ружьям, сумкам, патронташам, и все женщины и вампиры мира были забыты.

Охота.

V

Вечером охотники собрались вместе. Результат охоты был великолепен, а потому и состояние духа у всех повышенное. После хорошего ужина и многих стаканов вина разговор с охотничьих приключений снова перешел на вурдалаков. Вытребовали старика библиотекаря и приступили к нему с вопросами, не нашел ли он продолжения дневника учителя.

— Нет, господа, в церкви идут приготовления к празднику Богородицы, а потому ризница и архив подле нее замкнуты. Но если мистер Гарри позволит, то я могу прочесть письма, найденные сегодня в Охотничьем доме. Мы были там с управляющим, и дом, как уже известно, не успели приготовить к сегодняшнему вечеру. Он очень запущен. Даже к завтрашнему будет готова только часть дома: столовая и несколько спален, — говорил библиотекарь. — Убирая одну из спален, управляющий нашел в столе пачку писем и передал ее мне. Я просмотрел их, мне кажется, что письма эти имеют связь с дневником учителя, и вот если господа пожелают, я их прочту, — предложил Карл Иванович.

— Просим, просим!

— Я предполагаю, — продолжал Карл Иванович, — что это пишет один товарищ другому; место отправления, судя по пометке, Венеция. Италия.

Письма к Альфу

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Милый Альф!

Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Мне разрешено, вернее, я могу вернуться на родину, которую оставил семилетним мальчиком. До сих пор для меня тайна, почему я был отослан из родительского дома.

Я много раз тебе рассказывал, как богато и весело жилось в родовом замке отца, но я как-то стеснялся рассказать тебе последние мои впечатления. Сегодня мне хочется это сделать. Не знаю сам, что побуждает меня к тому.

Начинаю.

Был прекрасный, весенний вечер, солнышко еще не закатилось, сад благоухал запахом цветов; все собрались на террасе. Я и малютка Люси, моя сестренка, также присутствовали. Любимая собака мамы лежала около нас.

Вдруг входит слуга и докладывает, что старый чужой господин просит разрешения переговорить с отцом.

На разрешение отца ввести его на террасу явился старый седой господин, одетый в длинное полумонашеское платье. Я заметил, что у него были красноватые глаза и пунцовые губы на бледном лице.

При первых звуках его голоса Нетти, любимая собака матери, вскочила и, оцетинившись, бросилась на него. Она точно хотела вцепиться в его ноги, но страх перед палкой, которую держал незнакомец, заставил ее отступить.

— Поразительно, что с Нетти, — сказала моя мать. — Извините, — обратилась она к незнакомцу, — это первый раз, что Нетти бросается на чужих.

— Петро, выведи собаку, — приказал отец.

Незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на выходку собаки и с низким поклоном подал отцу большой запечатанный конверт.

Пробежав несколько строк, отец обратился к матери и начал сообщать ей содержание письма. Я, конечно, не понял, да и не все слышал. Дело кончилось тем, что отец и мать предложили посланному сесть и изъявили свое согласие на его просьбу.

Пропустив первое мимо ушей, незнакомец спросил:

— Когда же позволите привезти гроб?

— Завтра, если хотите, — ответила мать.

Поклонившись, незнакомец удалился.

О чем говорили отец с матерью, я не разобрал; поминали капеллу, деда, старый портрет, но какую все это имело связь, я тогда не понял.

Вчера мне не удалось кончить письма: пришел Сильвио и уговорил меня ехать прокатиться на Лидо. Вечер был чудесный. Гондола наша тихо скользила по воде. Отблеск заходившего солнца золотил облака. Кругом нас раздавались пение и музыка с соседних гондол.

Я, настроенный на воспоминание о прошлом, думал о моей матери и ее преждевременной кончи-

не. Она умерла, когда я уже был в Нюрнберге. Как прекрасна она была и как быстро увяла. До сих пор я не знаю болезни, что свела ее в могилу. На мои вопросы отец не отвечал, так же как не объяснил мне причины, почему я был отослан из замка.

— Это желание твоей матери.

Но почему? Она так любила меня?

Я ясно представлял себе мою мать: высокая, стройная, с тяжелыми русыми косами. Голубые глаза любовно и нежно смотрят на меня... Я точно чувствую их... и что же... два глаза смотрят на меня, но это не голубые глаза матери, а жгучие, черные.

Они промелькнули и исчезли... а я не могу их забыть!.. Мне необходимо их еще раз видеть!..

Пока прощай.

Твой Д.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Милый Альф.

Вот уже две недели, как я не писал тебе. Представь, я даже не заметил, что прошло так много времени!.. Ты простишь мне, если я скажу, что счастлив, безмерно счастлив!!

Я нашел ее, т.е. нашел обладательницу тех черных глаз, что смотрели на меня на Лидо. Глаза эти при свете солнца еще прекраснее. Да и вся она хороша! Возьми описание красавиц Венеции, и ты будешь иметь понятие, но думай не о ней, а только о ее тени...

Она знатного рода, но сирота и небогата. Живет под присмотром своей кормилицы; вот все, что пока я о ней знаю.

Я уже тебе сообщал, что мое невольное изгнание с родины кончилось, и я могу вернуться в родительский дом. Возвращение мое невесело, так как возможность вернуться я получил только благодаря смерти отца.

Много лет я уже не имел известий из родного дома. Отец, под угрозой его проклятий, запретил мне самовольно явиться в замок: «Когда придет время, я позову тебя».

И вот старый слуга пишет, что отец скоропостижно скончался от разрыва сердца, как определил врач.

Петро был моим дядькой и отвозил меня в Нюрнберг. Он просит прислать нотариуса для продажи замка и прибавляет, что это желание отца. О моем возвращении он не говорит ни слова. Точно этого и быть не может...

Нет и нет! Я еду домой, хотя бы это стоило мне жизни! Я хочу наконец знать тайну, что окружает смерть моей матери.

Да и сказать ли тебе, я мечтаю, что поеду туда не один...

Прощай!

Твой Д.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Милый Альф!

Может ли быть кто-либо несчастнее меня? С семи лет у меня не было матери, и я не знал ее забот и ласк; не было родины; никто меня не любил; ты скажешь, что я жил в довольстве, окруженный достатком. Да, но это не то! Я все же чужой; вот и она прошла вчера

мимо меня и даже не взглянула! А я знаю, знаю, что она видела, знала, что я стою за колонной и жду ее взгляда. А прошла мимо. Несчастный я, ты можешь плакать на могиле матери, а я... Еду, еду домой!

Ты спрашиваешь, о каком гробе я писал тебе, да о гробе дедушки, что его слуга привез из Америки. Отчего дед был в Америке и что с ним там было — сказать тебе не сумею. Есть какое-то предание, но детская моя память его не удержала. Знаю одно, что дед завещал перевезти себя в родовой замок из страны ацтеков.

— Как ацтеков? — вскричал молодой хозяин. — Ведь и я из страны ацтеков, я потомок их.

— Быть может, это и есть тот самый родственник, документов о погребении которого недостает, чтобы быть введенным в права наследства, — сказал доктор.

— Жаль, что нет здесь нашего нотариуса. Но дальше, дальше, — торопил Гарри.

— На другой день, — опять читал Карл Иванович, — после посещения старика с красными глазами перед вечером в ворота нашего замка въехали дроги, а на них большой черный гроб.

Отец и мать весь день были заняты хлопотами к его принятию.

Открыли двери склепа, что из капеллы. Капеллу всю убрали зеленью и свечами, решили пригласить священника. Склеп также очистили от пыли и паутины, и на одном из запасных каменных гробов отец приказал высечь надпись с пометкой «Привезен из Америки».

Долго ожидали старика, и только к вечеру он явился со своей печальной кладью.

Гроб оказался страшно тяжел.

Старик с красными глазами выразил сомнение, пройдет ли гроб по узкой и крутой лестнице, что вела из капеллы в склеп.

— Не лучше ли открыть западные двери склепа, выходящие в сад, — сказал он.

— Откуда вы можете все это знать? — удивился отец.

— По рассказам графа, — сумрачно ответил старик.

Пришлось отказаться от внесения тела в капеллу и от похоронной службы, что очень огорчило мою мать.

Наскоро открыли западные двери склепа и через них внесли гроб и опустили в назначенное место.

Когда хотели снова замкнуть двери замком, который изображал крест и, по словам стариков слуг, был прислан самим папою из Рима, не оказалось ключа. Поднялись суматоха и спор — кто держал ключ, но ключ не находился.

Красноглазый старик попросил у отца разрешение поселиться в развалившейся сторожке, близ дверей склепа, обещая их охранять, как собака.

— Да ведь сторожка непригодна для жилья, — сказал отец.

— Ничего, я ее поправлю, а для меня только и осталось на свете, что посещать могилу моего господина.

— В таком случае — хорошо.

Старик низко поклонился и, вынув из кармана большой темный футляр, подошел к моей матери.

— По словесному приказанию моего умершего господина, графа, на память о нем, — сказал он, передавая футляр.

На нежно-голубом бархате лежало чудное кольцо из жемчуга. Застежкой к нему служила голова змеи художественной работы, с двумя большими зелеными глазами. Изумруды, их изображавшие, были большой стоимости и как-то загадочно мерцали.

Все кольцо было особенно и стоило немало денег, конечно.

Вдруг Гарри прервал чтение:

— Не знаю, известно ли вам, что на груди у Вицли-Пуцли было ожерелье из жемчуга, вернее, из жемчужной змеи с зелеными глазами, и оно имело какую-то таинственную силу. Ожерелье пропало, когда испанцы разорили храм Вицли-Пуцли.

Подождав минуту, но видя, что Гарри молчит, Карл Иванович продолжал:

— Мать взглянула на отца, тот утвердительно кивнул головою.

Мать приняла подарок. Лучше бы она отказалась от него!..

Но прощай, «она» послала за мной... о, я счастливейший из людей!

Д.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Альф, милый Альф, дорогой Альф, она меня любит, любит... мы объяснились! Она меня любит. Это нарочно она прошла мимо. Ей хотелось, чтобы

я пошел за ней. Как я счастлив! «Она» и родина, что нужно еще человеку?

Прощай. Бегу за розами.

Д.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

.....
.....

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Как я уже писал тебе, все шло по-старому, и если смерть дочери садовника и огорчила мать, но все же она была совершенно здорова.

— Какая смерть, когда? — раздались вопросы.

— Видимо, пропущено одно письмо, — ответил Карл Иванович.

— Ну, дальше, — сказал хозяин.

— ...совершенно здорова, вплоть до роковой ночи.

Происшествия этой ночи крепко врезались мне в память, хотя до сих пор во многом они для меня загадочны.

Люси и я, мы спали через комнату от нашей матери, под надзором Катерины.

Среди ночи меня разбудил страшный крик: откуда он, я не знал. Сев на кровати, я стал слушать: в доме была суматоха, хлопали двери, слышались шаги и голоса.

Окликнув Катерину, я убедился, что ее нет в комнате. На меня напал страх. Босиком, в одной рубаш-

ке, я бросился в спальню матери. Там было много народа.

Мать лежала без чувств на высоко приподнятых подушках, бледная, как ее белые наволочки и ночная кофта. На груди, на белом полотне, я заметил кровавые пятна. Отец наклонился над больной, а старый наш доктор вливал ей лекарство в рот.

Кругом толпились испуганные слуги.

Через несколько минут мать очнулась и боязливо осмотрела комнату.

— Фреди, это ты, Фреди, ты прогнал его?

— Кого его, моя дорогая?

— Его, дедушку, не пускай его, не пускай!

— Успокойся, милая, никого нет, дедушка умер, а ты видела сон.

— Сон, да, сон, но как ясно, — пробормотала мать.

— Нет, это не сон!.. — снова заговорила она. — Правда, я уснула, но вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату, лампада перед образом зашипела и погасла.

Нет. Быть может, она и раньше погасла, а это шипела змея. Не знаю... В комнате был полумрак, — продолжала больная после короткого перерыва, — но я ясно узнала его, деда. То же бархатное платье и золотая цепь, а главное, те же злые глаза, чуть-чуть отливающие кровью. Горбатый нос и сухие губы. Это был он и не он!

— Полно, успокойся, — прервал ее отец.

— Нет, слушай. Он наклонился ко мне. — «Почему ты не хочешь носить моего подарка?» — тихо спросил он. — Попробуй». В руках его было оже-

релье с головою змеи. Он надел его на меня, целуя в губы, — при этих словах мать вытерла рот, — губы были холодные, точно лягушки, и от него скверно пахло: гнилью, сыростью... Вместо ожерелья на моей шее висела змея, которая тотчас же меня и укусила...

Тут я потеряла сознание и ничего не помню... — закончила мать.

— Где же змея, мама? — не вытерпел я.

Тотчас же две хорошо знакомые руки подхватили меня и быстро унесли из комнаты.

— Где это видано, бегать ночью босиком, — ворчала Катерина.

— Да где же змея, няня? — не унимался я.

— Какая змея там, барыня видела сон и закричала.

— А кровь на кофте, ведь я видел кровь?

— Ну, это не знаю. Надо спросить доктора. Да спи ты, спи, — ворчала няня, укрывая меня.

На другое утро солнце так ярко светило в нашу комнату, Люси так звонко смеялась и болтала, что я совершенно забыл и о ночном страхе, и о змее.

Когда мы были готовы, Катерина, как всегда, повела нас здороваться с родителями. При входе в столовую она просила нас не очень шуметь, так как мамаша не совсем здорова.

На кушетке, обложенная подушками, полулежала наша мать. Даже мой детский взгляд заметил, как она побледнела и осунулась за ночь.

Почти не обратив на нас внимания, она обратилась к лакею:

— Где же Нетти, почему вы не приведете ее сюда? Вот уже полчаса, как я ее жду.

— Нетти нет дома, — отвечал, заикаясь, лакей, — все утро мы ищем ее и не знаем, куда она делась.

— Но где же она, что это значит? — волновалась мать.

Лакей молчал.

— Разыщите, узнайте, кто видел ее последним, — распорядилась мать.

Лакей вышел.

Отсутствие собаки удивило и меня; я так привык ее видеть у ног матери, но все же судьба змеи интересовала меня больше, и, с несдержанностью избалованного ребенка, я спросил:

— Мама, ты нашла змею?

В ту же минуту отец сердито дернул меня за руку и прошептал: «Молчи».

С недоумением я посмотрел на него и на мать. Брови отца были грозно сдвинуты, а мать с легким стоном откинулась на подушки.

Прежде чем я опомнился, отец спокойным тоном спросил меня, не хочу ли я верхом съездить в деревню, что давно было уже мне обещано.

Удовольствие верховой поездки заслонило все. С криком радости я бросился на шею отца.

— Прикажи оседлать тебе Каряго, и пусть едет провожать Петро. Когда лошади будут готовы, зайдите сказать, я дам Петро поручение.

Да, только поезжай осторожно, не скачи особенно под гору, — кончил отец.

Через час мы уже выезжали из ворот замка. Пропуская нас, привратник просил Петро узнать, нет ли в деревне Нетти.

— До сих пор мы не можем ее найти, а барыня изволят сердиться.

Петро проворчал что-то вроде «старого дьявола», и мы осторожно начали спускаться под гору. Я устал, Альф, до завтра.

Твой Д.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Воспоминания, как рои потревоженных пчел, осаждают меня, и мне остается одно — писать и писать.

Итак, мы отправились с Петро в деревню.

Петро, старый слуга нашего дома, обожал отца и меня, да и вообще любил всю нашу семью. Это был добрый, веселый старик, всегда готовый помогать мне во всех шалостях: достать ли птичье гнездо, смастерить ли удочку, принести ли живого зайца... В Петро я всегда находил усердного помощника.

Но за последнее время Петро очень переменился: его уже не интересовали больше ни наши зайцы, ни ловля рыбы, ни даже молодой ворон с перебитым крылом, что подарил мне кучер.

Петро молчал по целым часам, и только глаза его страшно бегали и как-то загорались злобой, когда он хотя издали видел проходившего старого слугу графа, привезшего гроб.

Он что-то бормотал, и «старый дьявол» частенько срывался с его губ.

Вся дворня знала ненависть старика к приезжему американцу, и всех это удивляло, так как добрее и обходительнее, чем Петро, не было человека в замке.

Чем вызвал американец к себе ненависть — трудно сказать. Он был так тих и так неприятате-

лен. Все время он проводил или в своей сторожке, которую исправил, или в склепе, у гроба своего господина. Реже он тихо бродил в той части сада, где было его жилье.

Ни в людской, ни в кухне он никогда не появлялся. От общего содержания он тоже отказался.

— Мой господин оставил мне достаточно, чтобы не умереть с голода, — объяснил он отцу.

Кое-кто из наших привилегированных слуг думали свести знакомство с новым жильцом; но живо отстали, обиженные его гордыми и холодными ответами.

Отказ от общего стола тоже многих задел за самолюбие, а над выражением «не умру с голоду» слышались шутки.

— Ишь ты, приехал сухой да серый, а теперь так растолстел, что в дверь не войдет, да и губы красные, что твоя кровь! — смеялась Марина, молодая веселая поломойка.

— Не верещи! — крикнул на нее Петро. — Вот заест тебя, так не так еще потолстеет.

— Подавится, — заливалась смехом Марина.

Пока довольно, Альф.

Ты спросишь, какие дела с Ритой? Великолепно. Бросая перо, я сбрасываю и все прошлое и принадлежу только моей чудесной невесте.

Иногда мне приходит на ум: время ли теперь заниматься воспоминаниями, не лучше ли наслаждаться настоящим?

Но в тиши ночи, после горячих поцелуев меня тянет к воспоминаниям, а следовательно, и к перу. Что это? Видимо, за долгую жизнь изгнанника назрела потребность высказаться... и даже сама любовь не в силах заглушить ее.

И так до следующего раза. Завтра иду отыскивать подарок, достойный моей милой.

Д.

— Господа, я продолжаю разговор о снах, — сказал хозяин, как только Карл Иванович прервал чтение.

— Что! Спать! Рано еще, — раздались голоса.

— Ну, кто как, а я ухожу, — встал первым капитан Райт. — Сегодня так до него и не добрались, а все это ваши чтения. А по правде говоря, и разобрать-то в них ничего нельзя.

Молодежи ничего не осталось, как только покориться решению старших.

Библиотекарь аккуратно сложил старые, пожелтевшие листки и, поклонясь, вышел из комнаты.

— Завтра в Охотничьем доме, — кричали ему вслед.

— Хорошо.

ОХОТНИЧИЙ ДОМ

Назавтра за час до захода солнца вся компания собралась к Охотничьему дому.

На высокой башне развевался флаг свободной Америки (голубое поле с серебряными звездами) — это была лесть перед владетельным американцем.

Дом был невелик, но странной архитектуры; видимо, его построили не сразу, а надстраивали и пристраивали понемногу. Стены из серого камня облупились, выветрились, но все это скрадывалось сильно разросшимся диким хмелем и вьющимися розами. Окна нижнего этажа до половины были

закрыты боярышником и жасмином. Да и вообще растительность, никем не задерживаемая, развилась во всей красе и часто являлась почти непроходимой.

У крыльца общество было встречено управляющим Смитом и его помощником, местным уроженцем, Миллером. Из довольно темной прихожей с допотопными колоннами гости прошли в ярко освещенную столовую.

Комната большая, но узкая, видимо, всегда имела это назначение: большой камин, несколько вделанных в стену шкафов, украшения из рогов и голов убитых зверей подтверждали это предположение. Охотничьи картины по своей аляповатости ясно говорили о своем местном происхождении и невольно наводили на мысль, что изображенные на них сцены взяты из жизни владельцев.

Вот седой старик наступил на голову убитого медведя. Рядом висит картина, изображающая прекрасную породистую собаку, впившуюся зубами в загривок волка. Ноги хищного животного упираются в лежащего на земле человека: судя по одежде — егеря. Молодой человек в бархатном плаще держит наготове ружье, чтобы прийти на помощь своей собаке. А вот у ног прекрасной охотницы лежит благородный олень.

Когда-то дорогие тисненые золотом обои отстали и потемнели, но хитрый янки уже в очень плохих местах повесил флаги в честь гостей, а так как гости были разной национальности, то флаги своим разнообразием напоминали ярмарку. На стене против камин висел красивый бархатный ковер и еще больше усиливал пестроту комнаты. Мебель была тяжелая, орехового дерева. Слуги торопливо бегали,

приготовляя ужин. В ожидании его хозяин предложил осмотреть дом. Все охотно согласилось.

Из столовой шел узкий с несколькими поворотами коридор. В конце его было круглое окно с разноцветными стеклами, часть стекол была выбита и заменена белыми. При таком скудном освещении даже днем коридор был темен.

По коридору шли небольшие комнаты — видимо, спальни. Каждая из них имела одну или две кровати. Кровати были все старинные деревянные, но с новыми тюфяками, набитыми свежим сеном.

На одном из поворотов коридора управляющий открыл дверь в противоположную сторону от расположения спален.

Общество весело вошло в открытую дверь. Новая комната была большая, с широкими окнами, выходящими к озеру.

Обстановка ее отличалась богатством и роскошью. Высокая резная кровать под парчовым балдахином, с золотыми амурами в головах, конечно, не могла служить ложем для мужчины; да и вся остальная меблировка напоминала о прекрасной избалованной женщине.

Изящный туалет с дорогим венецианским стеклом, шкапики, этажерки, столики — все это могло удовлетворить самую прихотливую красавицу.

— Э, Гарри, да мы никак попали в замок фей, — вскричал всегда спокойный Райт.

Все с интересом принялись осматривать комнату.

— Да, несомненно, это жилище женщины, смотрите, — сказал доктор, открывая один из столиков.

Там, прикрытые легким слоем пыли, лежали принадлежности дамского рукоделия: шелка, еще

сохранившие свой яркий цвет, шерсть, немного истлевшая, а особенно много бисера и мелкого жемчуга. Крошечный золотой наперсток с вставленным опалом, красивые ножницы, иголки и все прочее, без чего не может обойтись женщина.

— Мы ничего здесь не трогали, — как бы извиняясь, сказал управляющий, поглядывая на пыль.

— Отлично сделали, — ответил хозяин. — Осмотр жилища феи доставит удовольствие мне и моим друзьям.

И в подтверждение своих слов он открыл дверцу одной из шифоньерок.

Тонкая ароматная струя лаванды наполнила комнату. На полках лежало прекрасное белье, отделанное настоящими кружевами; вороха лент, бантов, цветов. Тут же стояли изящные маленькие туфельки.

— А вот и ларец с драгоценностями, — указал доктор на довольно большую шкатулку. Шкатулка неоспоримо японской работы была украшена золотом и перламутром.

— Посмотрим, что прятала в нем красавица, — прибавил Гарри, беря ящик в руки.

Но все старания открыть крышку не привели ни к чему. Ларец имел свой секрет! А что он не был пуст, доказывала его тяжесть.

— Придется оставить до другого раза, — сказал Гарри, ставя на прежнее место и закрывая шкаф.

— Идите сюда, это стоит посмотреть! — раздался голос Райта.

Он стоял на балконе, колонны и перила которого заплел хмель, спелые шишки с сильным запахом свешивались целыми гирляндами.

Все столпились на балконе. Зрелище в самом деле было чудесное!

Последние лучи солнца скользили по долине. От озера поднимался туман и, пронизанный лучами, отливал то нежно-розовым, то золотистым цветом. А там, где туман несколько расходился, проглядывали голубая вода и зеленый берег. Слева была рамка из темной зелени сосен, а справа поднималась мрачная скала, увенчанная угрюмым замком.

— Недурно, чудесно, восхитительно, — слышалось со всех сторон.

— Ну, теперь еще больше, чем прежде, я отказываюсь здесь видеть злых дев с гусиными лапами, — громко заявил доктор.

— Это и понятно, все вампиры при заходе и восходе солнца прикованы к своим гробам, — сказал старик немец, староста деревни, приглашенный хозяином на ужин в виде любезности за разрешение осмотреть школьно-церковный архив.

Вдруг в комнате раздался раздраженный голос хозяина:

— Вы с ума сошли, Смит, если воображаете, что я соглашусь спать на старых тюфяках, да еще под пыльными занавесями. Нет и нет. Свежее сено и отсутствие тряпок.

— Извините, мистер, но я полагал, что это лучшая комната в доме, — отвечал сконфуженный управляющий.

— Ну а теперь прикажите снести мои вещи в одну из маленьких спален.

Управляющий и его помощник Миллер начали быстро переговариваться и, видимо, были в большом затруднении.

— В чем еще дело? — спросил хозяин.

— Мы не знаем, как быть, кому из господ предложить эту комнату, так как число кроватей заготовлено по числу гостей, — с низким поклоном сказал Миллер.

— В наказание за вашу непредусмотрительность ложитесь сами в это пыльное гнездо, — смеясь, ответил Гарри.

— Я, мне... спать... остаться... — бормотал бледный, как полотно, растерявшийся помощник. — Нет, я не могу... Пощадите!..

— Да что с вами? Говорите толком.

— Да ведь здесь жила невеста, здесь она и умерла, и люди на деревне говорят, что она ходит здесь, стонет и плачет по ночам, — говорил, боязливо оглядываясь, Миллер.

— Ну, господа, дело дошло уже до привидений. Жаль, я не знал этого раньше, непременно бы поселился в этой комнате. Но мое правило — не брать назад раз отданного приказа. Кто желает свести знакомство с невестой с того света? Не ты ли, Райт? — предложил, улыбаясь, Гарри.

— Что же, я не прочь, если мне дадут стакан рома и десяток сигар.

— При десятке сигар да еще с примесью опиума, как ты любишь, ручаюсь, ты увидишь не только невесту-привидение, но белого слона и зеленого змея, — пробормотал доктор.

— Итак, решено, капитан Райт ночует здесь. Показывайте дальше, Смит.

— Но, мистер, это все.

— Как все, дом выглядит гораздо больше.

— Я хочу сказать: все, нами приготовленное; другую половину, быть может, даже большую, мы почти и не осматривали.

— Все равно проведите нас туда.

— Вам придется идти через сад, так как два хода из этой половины мы заколотили и завесили коврами.

Все шумно прошли через столовую, прихожую и вышли на крыльцо.

VI

Солнце закатилось, и начало быстро темнеть.

Пройдя густо разросшийся сад, подошли к большой крытой веранде. Управляющий открыл дверь, из нее пахло запахом плесени и затхлости, как из нежилого помещения.

Было темно. Пришлось позвать лакеев со свечами. Первая комната не представляла собой интереса, да и трудно было определить ее назначение: в нее поставили лишние вещи и мебель из приготовленных уже комнат, и она походила на лавку старьевщика. Тут же, прислоненный к окну, стоял большой письменный стол с подогнувшейся ножкой.

— Карл Иванович из этого стола взял пачку писем, — указал на стол управляющий, — но там еще есть бумаги.

— Не трогайте их до Карла Ивановича, — приказал Гарри.

Пошли дальше.

Комнаты не представляли собой ничего особенного, но были довольно выдержанны. Там, где мебель была черная, там и рамы картин были черные.

Комнаты, отделанные дубом, имели и мебель дубовую. Все массивное и мрачное.

В одной из комнат обратил на себя общее внимание портрет. При темной обстановке богатая золотая рама невольно бросалась в глаза. Казалось, что портрет этот попал сюда случайно, тем более и висел-то он как-то сбоку, около двери. Так и чувствовалось, что его повесили наскоро, на первое попавшееся место.

По желанию Гарри портрет хорошо осветили. Высокий сухой старик в богатом бархатном платье, с золотой цепью на шее и в высокой того времени шляпе гордо глядел из рамы. Большой нос и тонкие губы говорили о породе и злом характере, глаза...

— Э, да он в самом деле смотрит! — вскричал один из юношей.

При неверном, мигающем свете свечей глаза блестели злобным красноватым отливом. Все согласилось, что живопись великолепна. Глаза жили.

Доктор, большой любитель старинной живописи, заходил то с одной, то с другой стороны, очень живо выражая свое восхищение. При одном из поворотов он нечаянно толкнул неловкого старосту деревни, а тот, чтобы не упасть, сильно оперся рукою о стену. В ту же минуту он с криком полетел в темное пространство.

Портрет был забыт. Все бросились на помощь старику.

Оказалось, что староста, думая опереться на крепкую стену, оперся на потайную дверь. Дверь сдала, и старик упал.

К счастью, он отделался только испугом. Все с большим интересом вошли в новую комнату, так неожиданно открытую.